

в отношении предисловия к ней.¹ Отказываясь «категорически решить вопрос о том, входило ли предисловие в авторский текст Софонии», В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает в то же время, что «в XV веке такое предисловие уже существовало, так как отрывки из него сохранились в старшем списке *К-Б*».² Здесь можно бы добавить, что Кирилло-Белозерский список 1470-х годов, избобилующий всякого рода погрешностями и искажениями, конечно, является далеко не первоначальным и, таким образом, предисловие, следы которого он сохраняет, известно было, должно быть, значительно раньше.

Во «втором варианте» реконструированного текста «Задонщины» В. П. Адрианова-Перетц считает возможным включить в авторский текст Софонии рассказ о бегстве Мамаю, признавая теперь, что «первая фраза этого рассказа явно напоминает Слово о полку Игореве»;³ она делает только оговорку, что нравоучительный заключительный его эпизод, резко выделяющийся своей книжностью, возможно, «представляет позднейшее добавление к первоначальному рассказу».⁴

Что касается последней части «Задонщины», явно восходящей к «Летописной повести», то В. П. Адрианова-Перетц, на том основании, что в ней нет «ни одного заимствования из Слова о полку Игореве или из старших летописных рассказов», отразившихся в предисловии, полагает, что «вряд ли... есть основание приписывать ее авторство Софонии».⁵

Между тем, как уже было сказано выше (см. стр. 551), едва ли можно думать, что автор «Задонщины» оставил свое произведение без всякого заключения и «оборвал» его либо на близких к «Слову о полку Игореве» словах: «И трубы их не трубят, и уныша гласи их», либо на рассказе о бегстве Мамаю словами: «Побежи, поганый Мамаю, и от нас по Задлешью», ничего не упомянув о прославляемых им русских князьях, об их дальнейших действиях. Авторское заключение, конечно, должно было быть, и оно — я думаю — было, хотя, может быть, и не вполне в том виде, в каком мы знаем его теперь. Как бы то ни было, известное нам заключение имеет стилистические черты и обороты, роднящие его как с основной частью «Задонщины», так, может быть, и непосредственно со «Словом о полку Игореве», хотя в заключительной части, как и в предисловии, автор, пользуясь преимущественно другими источниками, находился вне воздействия «Слова о полку Игореве» (см. выше, стр. 552—553) и писал в несколько иной манере.

¹ Другие мои соображения по этому поводу см. выше, стр. 550—553. Возражения Н. К. Гудзия против принадлежности предисловия Софонии («Советская книга», 1950, № 3, стр. 110—111) не представляются мне убедительными: и начало, и продолжение предисловия достаточно связаны с последующим текстом общим идейным замыслом автора. Что же касается предложения самого Н. К. Гудзия видеть начало авторского текста в словах: «Снидемся, братия... возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий», то оно неприемлемо хотя бы уже потому, что подчеркнутые слова тесно связаны с аналогичными выражениями в начале предисловия («на восточную страну жребий Симов... Русская земля съдит невесела... туюго и печально покрывася») и могут быть поняты только в этой связи: только указанные выражения предисловия объясняют, почему это надо возвеселить Русскую землю и ввергнуть печаль на восточную страну в Симов жребий.

² В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 203.

³ Разрядка наша, — А. Н. Прежние соображения В. П. Адриановой-Перетц по этому поводу см. выше, стр. 551—552.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 203.

⁵ Там же.